

А.Л.М. Николя в истории изучения бабизма

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

Статья посвящена несколько забытому выдающемуся французскому исследователю бабизма и переводчику текстов Баба — А.Л.М. Николя (1864–1937). Последний стоял у истоков изучения данной проблематики и выполнил на высоком уровне первые и единственные до настоящего времени полные переводы на европейский (французский) язык ключевых писаний основателя бабизма. В статье цитируются среди прочего выдержки из работ и материалов самого Николя. В них он отстаивает важные положения, которые необходимо учитывать любому специалисту, работающему в данной области знания. В статье также воздается дань как самому Николя, так и его великому наследию, которое редко оказывается сегодня в центре внимания исследователей.

Ключевые слова: Баб, бабизм, религия, вероучение, религиоведение.

Статья поступила в редакцию 22.03.2016.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, канд. филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2016

«Ни один европейский ученый не способствовал столь существенным образом формированию наших знаний о жизни и учении Баба как Николя. Его исследования жизни Баба и его переводы некоторых наиболее важных книг Баба остаются непревзойденными по значимости» — так оценил вклад Николя в изучение бабизма британский исследователь Можан Момен (Momen 1981: 36). Николя был и остается поныне единственным из европейских исследователей, кто осуществил полные переводы писаний Баба на другой (французский) язык, если не считать де Гобино (de Gobineau), предпринявшего до Николя крайне неудачную попытку в этом отношении. Переводы же Николя вполне адекватны и снабжены обширным комментарием.

Отец Николя — Ж.Б. Николя, служил во Французской дипломатической миссии в Персии, и сам будущий исследователь и переводчик родился в г. Реште Гилянкой провинции в 1864 г. По сообщению Николя, он мог говорить по-персидски и по-русски еще раньше, чем научился говорить на своем родном французском (см.: Momen 1981: 36). Эти выдающиеся способности к языкам и особенно прекрасное владение персидским в сочетании со знанием культуры Персии и ее обычаев, очевидно, сыграли не последнюю роль в его исследовательской и переводческой деятельности в области бабизма, а также добавили ему смелости, помогавшей братья за то, на что не хватало дерзновения у других исследователей и переводчиков. Пойдя по стопам отца, Николя поступил на службу во Французскую дипломатическую миссию и связал большую часть своей карьеры с Персией (см.: Там же).

Как и знаменитый британский исследователь бабизма Э.Г. Браун (E.G. Browne), Николя заинтересовался этим предметом благодаря книге де Гобино “Les Religions et les philosophies dans l’Asie centrale” (De Gobineau, 1900). Но отношение к ее автору у Николя сформировалось прямо противоположное тому, что характеризовало Брауна. В отличие от британца, взиравшего на своего французского предшественника с почтением и даже с благоговением, Николя резко критиковал своего компатриота за безграмотный перевод и слабые познания предмета. Это критическое отношение, возможно, отчасти досталось ему «в наследство» от отца, у которого, по свидетельству самого Николя, был конфликт с де Гобино. Вот что сообщает Николя о де Гобино как о человеке: «Прибывший во Французское представительство Гобино был полон дипломатических предрассудков, презирал коллег, повздорил с моим отцом по поводу рукописи, приобретенной последним через посредника. Мой отец произнес на эту тему несколько фраз, которые направили мои помыслы на то, чтобы прояснить для себя природу вопроса. Среди своих бумаг отец оставил критические заметки о книге Гобино: “Les Religions et les philosophies dans l’Asie centrale”, которые побудили меня предпринять некоторое исследование и выявить содержащиеся в ней ошибки...» (Momen 1981: 37). Какими бы личностными факторами ни было обусловлено изначально критическое отношение Николя к де Гобино, его оценка творчества своего французского предшественника абсолютно справедлива, о чем еще будет сказано позже. Николя описывает, как возрастал его интерес к бабизму: «Я собирал свой материал в основном через секретаря (Дипломатической миссии. — Ю.И.), уроженца Тегерана — Мирзу Ибрахима, который оказался бахаи... В своей работе я прибегал к помощи молодого перса, с которым каждый день в полдень мы отправлялись на прогулку за город, проходя сквозь Шимранские ворота. Чистота воздуха, безмятежность, умеренная температура и по временам благоухание акаций располагали мою душу к покою и кротости. Мои размышления над необычной книгой (*Семь доказательств* Баба. — Ю.И.), которую я к тому времени перевел, наполняли меня каким-то упоением, и я постепенно становился бабидом всем своим существом. Чем больше я погружался в эти размышления, тем больше я восхищался величием гения того уроженца Шираза, который мечтал возвысить мусульманский мир...» (Momen 1981: 37).

В отличие от своего британского коллеги Брауна, который весьма широко использовал для своих штудий вторичные источники, включавшие грешащие неточностями и порой намеренными искажениями хроники, Николя делал особый упор на материалах, восходивших непосредственно к основателю бабизма, и уделял преимущественное внимание теологии. Помимо работ, относящихся к собственно Бабу, его перу принадлежит пространное исследование в области шейхизма — школы в шиитском исламе, подготовившей в определенном смысле почву для появления бабизма.

Браун, посвятивший большую часть своей деятельности исследованию *Персидского Байана* и других писаний Баба, изначально ставил перед собой задачу осуществить английский перевод этой основополагающей книги данного учения, о чем свидетельствует опубликованная нами недавно его переписка с бароном В.Р. Розеном, хранящаяся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН (см.: Ioannesyan 2013: 140, 154, 157, 159). Однако дальше сличения нескольких рукописей, составления подробного конспекта книги и тематического указателя, имеющих самостоятельную ценность, маститый британец не пошел. В письмах к Розену от 1894 г. он объясняет это решение отсутствием финансирования издания текста в случае подготовки его к публикации (см.: Там же: 185–186). Не подвергая сомнению искренность Брауна в обозначении причины отказа от своего замысла, рискнем предположить, что, возможно, у него появилось и иное основание для пересмотра своего намерения — не-

обычайная сложность текстов Баба при кажущейся простоте языка, в чем именитый ученый все больше убеждался по мере изучения его писаний. Разумеется, мы высказываем здесь лишь гипотезу. В любом случае, то, для чего не хватило возможностей или решимости у Брауна, сполна осилил Николя. Им был осуществлен качественный перевод на французский язык не только *Персидского Байана* (Seyyèd Ali Nohammed dit le Bâb 1911–1914) и *Арабского Байана* (Le Beyân arabe 1905), но и *Семи доказательств* Баба. Помимо переводов с персидского и арабского, перу Николя по данной теме принадлежат еще пространная монография “Seyyèd Alî Mohammed dit le Bâb” (Nicolas 1905) и около десятка публикаций, рассмотрение и критический анализ которых выйдут за рамки настоящей статьи. Все переводы сопровождаются развернутыми вступительными очерками, имеющими самостоятельную ценность, и комментариями.

Персидский Байан — книга на персидском языке со значительными вкраплениями арабского текста, представляющая собой наиболее полное, целостное и системное изложение вероучения Баба. *Арабский Байан*, которому мы еще уделим внимание ниже, — меньшая по объему книга на арабском языке, тематика которой сходна с *Персидским Байаном*. *Семь доказательств* — сравнительно небольшая книга. В ней сам основатель бабизма излагает доводы в пользу своего вероучения.

Если в работе над переводом первой и последней в этом списке книг Николя выступал пионером, то применительно к *Арабскому Байану* у него, как уже отмечалось выше, был предшественник, правда, крайне неудачный — французский дипломат де Гобино. Последний в упомянутой уже монографии “Les Religions et les philosophies dans l’Asie centrale”, изданной им в 1866 г. и представляющей собой обзор религиозно-философской мысли Персии, уделил немалое место бабизму. В приложении же он опубликовал французский перевод *Арабского Байана* под названием “Le Livre des préceptes” («Книга заповедей») (см.: De Gobineau 1900: 461–543) как выполненный им самим. Николя крайне критически оценил и саму книгу де Гобино, и перевод: «Книга месье де Гобино изобилует ошибками (fourmille d’erreurs). Историческая часть его книги есть не что иное, как очень изящный, но почти всегда буквальный перевод *Насих ат-таварих* и *Раузат ас-сафа*¹. В ней не дается никаких сведений о происхождении бабизма, как и не предпринимается попытки объяснения выступлений приверженцев нового религиозного течения. Возникает вопрос, на который невозможно дать ответ, — что означают их восстания в Мазендаране? Зато все наветы мусульман на бабидов находят в книге позитивный отклик, а доктрина, верования и обычаи вновь обращенных полностью искажаются. Один из самых лучших [в истории] примеров взаимопомощи (solidarité), поданный людьми, которые погибли и знают об этом, преподносится в ней как попытка сектантов установить правление, основанное на обобществлении собственности и женщин!» (Le Livre des sept preuves de la mission du Bab 1902: V, n. 3, курсив наш). А вот какую характеристику дал самому де Гобино и его переводу Николя: «...позволю себе выразить недоверие оценке, высказанной нашим бывшим посланником в Тегеране, который не знал ни одного слова этого языка (т.е. арабского. — Ю.И.), как и персидского, что не мешало ему обыкновенно прибавлять к своему имени титул „ученого“, ученого дешевого, так как его работа “Religions et le philosophies dans l’Asie centrale”, которую по ошибке принимают за оригинальный труд, — не что иное, как блестящий, хотя порою и не

¹ *Насих ат-таварих* — история Ирана времен династии Каджаров, состоящая из 15 томов (ее автор известен под псевдонимом Сипихр/Сепехр и почетным прозвищем Лисан ал-мулк). *Раузат ас-сафа* (полное название: *Раузат ас-сафа фи сират ал-умана’ ва-л-мулк ва-л-хулафа’*) — история по-персидски в 7 томах, составленная Хаванд-шахом ибн Махмудом, писавшим под псевдонимом «Мирхонд».

лишенный погрешностей перевод „Насих ат-таварих“, выполненный... одним евреем, немного знавшим французский, который называл себя „Лалезар“ и был преподавателем месье де Гобино. Что же касается перевода арабской книги Заповедей (Бийю, как называл ее месье де Гобино — одного этого достаточно, чтобы изобличить его в невежестве), то я предупреждаю читателя, что он на две трети непонятен и на три трети содержит полную противоположность тому, что говорится в тексте» (Le Beyân arabe 1905: 199–200, n. 145). К сожалению, такая характеристика не является преувеличением. Во фразах и частях этого перевода, которые мы пытались соотнести с оригиналом, не оказалось ни одного верно понятого или переданного по-французски предложения. Вместо этого текст изобилует собственными глубокомысленными философскими рассуждениями де Гобино, отражавшими исключительно его духовный поиск и религиозное мировоззрение. То же относится и к пространным примечаниям, никак не связанным с содержанием арабского оригинала. Николя выполнил собственный перевод этого писания Баба, который, как и другие его переводы, оказался весьма удачным. Данному обстоятельству немало поспособствовали его глубокие знания предмета и языков, особенно персидского, которым он владел как родным наряду с французским. В своих пространных вводных очерках, которыми он сопровождал переводы, Николя развенчивал заблуждения и домыслы, существовавшие уже в ту пору в Европе относительно бабизма и его основателя. Оценивая в целом духовное и литературное наследие Баба, этот искушенный исследователь в своем предисловии к переводу *Арабского Байана* отмечал: «Не следует забывать, что он (т.е. Баб. — Ю.И.) — Пророк (qu'il est Prophète), и нам не подобает оспаривать этот титул, так как он заплатил за него самой своей чистой кровью. Отнесемся к нему соответственно и не будем низводить его статус до уровня обычного философа» (Там же: 14). Николя указывал, что в Европе существовало три заблуждения относительно основателя бабизма и его учения. Первое состояло в том, что Баба причисляли к суфиям. Второе сводилось к тому, что ему приписывали учение о «воплощении» (l'incarnation). Третье заключалось в обвинении, что он якобы запрещал своим последователям изучать науки (Там же: 2). Отвечая на первое «обвинение», Николя обоснованно замечал, что из того, что многие тексты Баба носят мистический характер, а также из его мистических толкований богословских вопросов не следует, что он проповедовал суфизм или пантеизм. Так, французский исследователь пишет: «...из того, что он использует терминологию, наиболее часто встречающуюся в мистических книгах (т.е. в суфийских. — Ю.И.)..., ошибочно делать вывод, что данные термины идентичны по значению и заключают в себе одинаковый смысл у тех и у других (т.е. у бабидов и у суфиев. — Ю.И.)... Подобный вывод, несомненно, поверхностен и происходит от того, что люди поспешны в суждениях и их оценки опережают основательное ознакомление с предметом» (Там же: 3–4).

Опровергая второе заблуждение, связанное с тем, что Баб якобы проповедовал доктрину «воплощения», точнее, допускал идею о том, что Божество или Творец может совершать нисхождение со своего уровня и облекаться в одежды творения, Николя называл такие домыслы «нелепыми». «Почему нужно приписывать Бабу подобную идею, на каком основании?» — задается вопросом французский исследователь. «Разве не говорил Баб, что Бог — недостижим и никакой разум не способен Его постичь?..» — продолжает он (Там же: 16–17).

Переходя к третьему заблуждению — к приписываемому Бабу запрету заниматься науками, Николя отмечает: «Религия, которая вычерчивает на челе человечества (inscrit au front de l'humanité) слово „Прогресс“, основывает свое учение на [представлении о] неуклонно возрастающем восхождении человека к благу, то есть к Богу,

с одновременным достижением более полного постижения как себя самого, так и окружающей природы, не может запрещать научного поиска своим адептам. В действительности бабизм его не запрещает...» (Там же: 29). Французский исследователь обращает внимание на необходимость вдуматься в значение слова «наука», сделав различие между тем, что понимается под ним в Персии и в Европе. Разумеется, Никола исходил прежде всего из условий Персии своей эпохи. Ученые Персии, *улемы*, отмечал исследователь, — это ученые в области религии или, если угодно, знатоки религии, никак не связанные с миром ученых в области физики, химии или геометрии. Они игнорируют все, относящееся к природе, а их науки ограничиваются знанием Корана и правил его чтения вслух, преданий, комментариев, истории зарождения ислама, теологии, основ изощренной философии, арабского языка и его грамматики, а также в незначительной степени — медицины, астрономии и талисманов. Баб считал некоторые из этих дисциплин лженауками, бесполезными и опасными. Их он и запрещал. Баб игнорировал все то, что в его среде было принято считать «науками», но, не ведая последних, он одновременно блистал как Пророк (*resplendit comme Prophète*) всеми гранями науки божественной, заключает Никола (Там же: 30–31).

Французский исследователь справедливо указывает на терминологию как на одну из причин появления многих ложных представлений о бабизме и его ассоциаций с тем, чем он никогда не был. Зародившись и существуя в персо-арабоязычной среде, бабизм не мог не оперировать присущим именно ей богословским и иным лексиконом, а следовательно, употреблять терминологию, свойственную многочисленным религиозным школам и толкам Ближнего и Среднего Востока, на котором издавна сосуществовали разные религиозные традиции, каждую из которых характеризовал свой, отличный от других, понятийный аппарат, даже если они использовали общую для всех лексику, предопределенную языками, на которых излагались их доктрины, — арабским или персидским. В этих условиях, несмотря на различия, порой принципиальные, между их учениями, используемая ими терминология могла частично совпадать. Эти лексические совпадения тем не менее не должны заслонять серьезных отличий между проповедуемыми ими доктринами в сути. Иными словами, без осмысления кроющегося за совпадающим термином понятия в контексте конкретного учения и его истолкования в рамках целостного и системного подхода на почве именно данного учения весьма вероятен поверхностный или ошибочный вывод, игнорирующий оригинальный характер и специфику того или иного понятия, принадлежащего конкретной религиозной системе. Невнимание к этому обстоятельству таило и таит в себе огромную опасность и при изучении бабизма.

Немало противоречивых суждений вызывал стиль и язык арабских писаний Баба. Его пытались обвинить в игнорировании правил арабской грамматики и др. Никола, который более других европейцев вчитался в тексты основателя бабизма и предпринял то, что до сих пор остается не под силу никому — перевод в полном объеме важнейших книг Баба, в корне возражал против такой точки зрения. В этой связи он писал: «Мне хорошо известно, что месье де Гобино также считал, что арабский язык Сайида Али Мухаммада — плохой арабский, но позволю себе выразить недоверие оценке, высказанной нашим бывшим посланником в Тегеране, который не знал ни одного слова этого языка, как и персидского... И, чтобы наконец покончить с этим вопросом, я, будучи не в состоянии самостоятельно оценить арабский Сайида Али Мухаммада [Баба] и сопоставить его с Кораном, независимо от того, будет ли сравнение в его пользу или нет, проконсультировался у одного высокоавторитетного арабиста, посла Блистательной Порты (т.е. Османской империи. — *Ю.И.*) в Тегеране — С.Е. Шамсуддин-бея, и попросил его, оставив в стороне все вопросы, связанные с

религией, любезно высказать мне свое мнение о языке Баба. Тот заявил мне с огромным пылом и искренностью, что находит его очень красивым, весьма возвышенным и, хотя и не лишенным некоторых погрешностей, высоко поэтичным и чрезвычайно выразительным². Такого же точно мнения и месье Хоуда, профессор разговорного арабского языка в Школе живых восточных языков» (Там же: 199–200, п. 145, 201–202). Николая полемизировал и с Розеном по этому поводу: «Прошу прощения у месье В. Розена за то, что я, возможно, проявил отчасти чрезмерную настойчивость в данном вопросе, но думаю, что он согласится со мной в том, что Баб был свободен говорить все, что считал истиной, равно как и мусульмане были свободны это отвергнуть. Думаю, не стоит так сильно поддаваться воздействию ненависти врагов новой доктрины, чтобы в итоге, солидаризируясь с теми, кто следует заблуждениям мусульманских авторов, не вызывающих доверия в этом вопросе, доходить в своих утверждениях до того, что у Баба — невыразительный, дурной и тяжелый стиль, сильно уступающий Корану. У других было иное мнение на сей счет, и они, возможно, были компетентны» (Там же: 60).

Отношение Николая к религии бахаи было «прохладным». Момен считает, что это было связано с представлением Николая о том, что бахаи «принижают роль» Баба в религиозной истории человечества, рассматривая его *исключительно* как «провозвестника Бахауллы» (см.: Momen 1981: 37–38). Такое понимание о месте Баба, которое отводится ему в учении бахаи, не соответствует объективной действительности, однако оно было характерно в то время и для Брауна, как явствует из его собственных слов в изданной им книге: “A Traveller’s Narrative Written to Illustrate the Episode of the Báb” (см.: A Traveller’s Narrative 1891: 230). К этому обстоятельству можно еще добавить тот факт, что Браун и Николай на момент выхода в свет своих трудов — изысканий и переводов — были гораздо лучше осведомлены об учении бабизма, углубленному исследованию которого они посвятили долгие годы, чем о религии бахаи, располагая весьма отрывочной информацией о ней. Серьезное ознакомление западных европейцев и американцев с этой верой неразрывно связано с путешествиями сына Бахауллы — Абдул-Баха по Западной Европе и Северной Америке в 1911–1912 гг. В России, в которой изучение религии бахаи на основе первичных источников опередило аналогичный процесс на Западе, оно было связано с деятельностью А.Г. Туманского и упоминавшегося уже барона Розена, усилиями которых были опубликованы и переведены некоторые ключевые писания бахаи.

Однако отношение Николая к религии бахаи к концу его жизни, очевидно (по крайней мере — отчасти), начало меняться. Как сообщает Момен, в это время ему были присланы две важные работы правнука Бахауллы, главы международной общины бахаи — Шоги Эффенди: «Повествование Набиля» и «Законоцарствие Бахауллы», в которых был четко обозначен статус Баба как независимого посланника Бога, равно по сути Бахаулле. Николай был несказанно обрадован, о чем красноречиво свидетельствуют его слова благодарности женщине, пославшей ему эти книги, мисс Э. Сандерсон:

«Не знаю, как благодарить Вас, чтобы выразить ту радость, что наполняет мое сердце. Итак, нужно не просто принимать, но любить Баба и восхищаться им. Бедный великий Пророк, родившийся в самом сердце Персии, лишенный средств для получения образования, одинокий в целом мире и окруженный врагами, который преисполнил силою своего гения создать универсальную и мудрую религию. Что Баха-

² Ср.: “fort belle, fort élevée, quelquefois fautive, mais d’une grande poésie et d’une parfait éloquence” (Le Beyân arabe 1905: 202).

улла впоследствии его сменил — пусть и так, но мне хочется, чтобы восторгались возвышенностью Баба, который к тому же заплатил своею жизнью и кровью за проповедь преобразований, что обращал к людям. Приведите мне другой подобный пример. Наконец я могу спокойно умереть. Слава Шоги Эффенди, который успокоил меня, избавив от муки и волнений, слава тому, кто воздаст дань Сайиду Али Мухаммаду, именуемому Бабом. Я столь счастлив, что готов целовать Вам руки за то, что написали мой адрес на конверте, который заключает в себе послание Шоги [Эффенди] мне. Спасибо Вам, Мадемуазель, спасибо от всего сердца» (The Baha'i World: vol. 8, 625).

В заключение отметим, что имя Николая вписано золотыми буквами в историю изучения бабизма. К сожалению, по сравнению с его британским современником и коллегой Брауном, также оставившим немалый след в изысканиях по данной тематике, оно значительно реже упоминается, и на Николая заметно реже ссылаются, что не должно никак умалять его места в науке. Его глубокие и одновременно широкие познания охватывали тексты, вероучение, историю, язык, символизм писаний и т.п., а оставшиеся после него переводы и исследования сохранили значимость по сей день. Никто ни до Николая, ни после него не отважился предпринять столь амбициозных проектов как полный и весьма качественный перевод ключевых писаний Баба с персидского или арабского на европейские языки. Желающие познакомиться с этими текстами непосредственно еще долго будут обращаться к богатому наследию этого выдающегося и поистине отважного исследователя и переводчика.

Литература

- Набил-и А'зам 2005–2014 — *Набил-и А'зам*. Вестники рассвета. Повествование о ранних днях Откровения Бахаи. В 2-х томах. Пер. с англ. М.: Единение, 2005–2014.
- Петрушевский 1966 — *Петрушевский И.И.* Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций). Л.: Изд. Ленинградского университета, 1966.
- The Baha'i World 1942–1956 — The Baha'i World. Vols. 8–12, 1942–1956. Wilmette; URL: http://bahai-library.com/pdf/bw/bahai_world_volume_8.pdf
- Le Beyân arabe 1905 — *Le Beyân arabe, le Livre Sacre du bâbysme de Seyyèd Ali Mohamed dit le Bâb*. Traduit de l'Arabe par A.-L.-M. Nicolas. Paris, 1905.
- Effendi 1991 — *Effendi, Shoghi*. The Dispensation of Bahá'u'lláh // The World Order of Bahá'u'lláh. Selected letters. Wilmette (И), 1991.
- De Gobineau 1900 — *De Gobineau, Joseph Arthur, Compte*. Les religions et les philosophies dans l'Asie centrale. Paris: Ernest Leroux, 1900.
- Ioannesyan 2013 — *Ioannesyan Youli*. The Development of the Babi/Baha'i Communities: Exploring Baron Rosen's Archives. Iranian Studies Series. London; New York: Routledge, 2013.
- Le Livre des Sept Preuves de la mission du Bab 1902 — *Le Livre des sept preuves de la mission du Bab* / Trad. par A.-L.-M. Nicolas. Paris, 1902.
- Momen 1981 — *Momen, Moojan*. The Bábí and Bahá'í Religions: Some Contemporary Western Accounts. Oxford: George Ronald, 1981.
- Nicolas 1905 — *Nicolas Louise A.D.* Seyyèd Ali Mohammed dit Le Bâb. Paris, 1905.
- Seyyèd Ali Mohammed 1911–1914 — *Seyyèd Ali Mohammed dit le Bâb*. Le Béyan Persan / Trad. du Persan par A.-L.-M. Nicolas. T. 1–4. Paris, 1911–1914.
- A Traveller's Narrative 1891 — *A Traveller's Narrative Written to Illustrate the Episode of the Bâb* / Ed. in the Original Persian, and Transl. into English, with an Introd. and Explanatory Notes, by E.G. Browne. Vol. 2. Cambridge, 1891.

References

- Nabil-i-A‘zam. *Vestniki Rassveta. Povestvovaniye o Rannikh Dnyakh Otkroveniya Bahai* [The Dawn-Breakers. Nabil’s Narrative of the Early Days of the Bahá’í Revelation]. In 2 volumes. Moscow: Yedineniye, 2005–2014 (in Russian).
- Petrushevskiy I.P. *Islam v Irane v 7–15 Vekakh (kurs lektsiy)* [Islam in Iran in the 7th–15th centuries (a lecture course)]. Leningrad: Leningrad University, 1966 (in Russian).
- The Baha’i World*. Vols. 8–12, 1942–1956. Wilmette; Available at: http://bahai-library.com/pdf/bw/bahai_world_volume_8.pdf (in English).
- Le Beyân arabe le Livre Sacre du bâbysme de Seyyèd Ali Mohamed dit le Bâb*. Trad. de l’Arabe par A.-L.-M. Nicolas. Paris, 1905 (in French).
- Effendi, Shoghi. *The Dispensation of Bahá’u’lláh*. The World Order of Bahá’u’lláh. Selected Letters. Wilmette (IL), 1991 (in English).
- De Gobineau, Joseph Arthur, Comte. *Les religions et les philosophies dans l’Asie centrale*. Paris: Ernest Leroux, 1900 (in French).
- Ioannesyan, Youli. *The Development of the Babi/Baha’i Communities: Exploring Baron Rosen’s Archives*. Iranian Studies Series. London; New York: Routledge, 2013 (in English).
- Le Livre des Sept Preuves de la mission du Bab*. Traduction par A.-L.-M. Nicolas. Paris, 1902 (in French).
- Momen, Moojan. *The Bábí and Bahá’í Religions: Some Contemporary Western Accounts*. Oxford: George Ronald, 1981 (in English).
- Nicolas, Louise, A.D. *Seyyèd Ali Mohammed dit Le Bâb*. Paris, 1905 (in French).
- Seyyèd Ali Mohammed dit le Bab. *Le Béyan Persan*. Trad. du Persan par A.-L.-M. Nicolas. T. 1–4. Paris, 1911–1914 (in French).
- A Traveller’s Narrative Written to Illustrate the Episode of the Báb*. Ed. in the Original Persian, and Transl. into English, with an Introd. and Explanatory Notes, by E.G. Browne. Vol. 2. Cambridge, 1891 (in English).

A.L.M. Nicolas in the History of Babi Studies

(Pis’mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 36–43)
Received 22.03.2016.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article is devoted to A.L.M. Nicolas (1864–1937), the outstanding French scholar who studied the Babi Faith and translated Babi texts, and whose person is currently slightly forgotten. He was a pioneer of studies in the field and the one who accomplished high quality translations of some major Babi texts into French, which remain the first and unique complete translations of the Bab’s writings into European languages up to the present day. The article includes, among other things, quotes from Nicolas’ works and materials in which he articulated certain ideas and principles which are essential for every scholar specializing in Babi studies. The present author also pays tribute to Nicolas himself and his great heritage, unfortunately, often neglected by modern researchers.

Key words: the Bab, the Babi faith, religion, religious teaching, religious studies.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOMRAS (youli19@gmail.com).